

ГЛАВА 40

- Вам там письмо пришло, лежит на проходной! – крикнула очкастая вахтерша мне в спину, едва я вошел в заводские ворота и миновал проходную.

- Спасибо, хорошо, щас заберу, - обернулся я и пошел в офис. «Ни здрасьте, ни до свидания!» - подумал я злясь. Тетка стояла и важно смолила сигарету, скрестив руки то ли на уже заметном животе, то ли на крупной груди, лежащей на этом животе. Хотелось эту сигарету затолкать ей в рот. Время чуть перевалило за девять, я пришел первым. Включил чайник в офисе и вернулся за письмом. Толкнул дверь проходной. «Боже, какая вонь!» - пролетело в моей голове. В дальнем углу тесного коридорчика стояли ведро и таз, доверху наполненные отвратительной серой жижей – едой для сторожевых собак. Смесь из каш непонятно с чем, источала тошнотворный запах. Желудок дернуло позывом. Я задержал дыхание, толкнул дверь в комнату, нырнул в нее и закрыл дверь за собой, инстинктивно желая не пустить ужасный запах следом. Тетка сидела за столом перед раскрытой книгой. Не поворачиваясь ко мне, она закрыла книгу, подвинула по столу мне конверт.

- Ага, спасибо! – произнес я, увидел название книги – «Преступление и наказание» и, зажав дыхание, выскочил на улицу. Свежий воздух показался наркотическим дурманом, я втянул его насколько смог глубоко и потопал в офис. Через десять минут прибыли все – пришел Сеня с сыном, подъехала под окно офиса «газель» Пети, а следом и «мазда».

- Привет! – произнесла Вера, первой войдя в офис. – Какие дела, что новенького?

- Да все по-старенькому. Письмо, вот, на проходной забрал, - сказал я, потянулся в кресле за столом, пожал Сергею руку и сказал ему. – Не здороваются, прикинь!? Вот сука!

- Кто? Эта? – кивнул Сергей в сторону проходной. – Увлеченная Достоевским!?

- Ха!! – откинулся я в кресле. – Ты тоже видел!?!?

- Ну, я как-то зашел туда к ней, а там... Достоевский! – Сергей развел руками и добавил с налетом презрения. – Такие вот у нас книги вахтерши читают!

- А я просто щас захожу... - начал я отвечать на вопрос во взгляде Веры, - письмо взять, а у этой – я хмыкнул – «Увлеченной Достоевским», лежит на столе «Преступление и наказание»! Ну и Серый, оказывается, тоже видел эту книгу!

- Ааа... – протянула Вера. – Ну... что тут скажешь! Нам далеко до нее!

- Книга-то хорошая, - улыбнулся я и добавил зло. – Только эта баба – овца сраная!

- Роман все переживает, что какая-то баба с ним не здороваются! – пояснил Сергей жене, повернулся ко мне и с нажимом произнес. – Роман! Да насри ты на нее! Будешь еще из-за какой-то дуры переживать! Она сидит там в своей будке с собаками и будет там до старости сидеть! Ей просто обидно за жизнь, вот она и рада тебе штырь засунуть, чтоб ты подергался! Не обращай внимания!

- Как же там воняет! – кивнул я. – Как они там целыми днями сидят, ума не дам...

- Ой, да, пахнет там жуть, конечно... – сказала Вера, усаживаясь в кресло и запуская компьютер, даже инстинктивно поднесла руку к носу, будто закрываясь.

- А ты читал эту книгу? – весело посмотрел на меня Сергей, заканчивая копаться в портфеле, пихая его вниз на полку шкафа и грузно усаживаясь в кресло у двери.

- Читал, конечно! – сказал я. – Это же школьная программа, Серый!

- Ааа... – протянул напарник без удовольствия, и улыбка сошла с его лица.

Зазвонил офисный телефон.

- Да, алло, - взял я трубку.

- Здравствуйте, а Верочку можно! – произнес чуть шепелявящий женский голос. Так случается, когда зубной протез подобран плохо. Я тут же посерьезнел и почувствовал, как накатила волна негатива и ушла внутрь телефонной трубки. Я понял, кто звонит.

- На, это тебя! – произнес я холодно, передав Вере трубку.

- Да, алло, да мам, привет... – произнесла в трубку та.

Я смотрел на Веру и думал, как так вышло, что у гадкой матери-одиночки родилась замечательная дочь и никчемный сын-алкоголик? Воображение по рассказам Сергея сразу создало в голове нелицеприятный образ – зловредная бабка-неудачница недалекая умом и гадящая всем кругом. Я безоговорочно принял сторону Сергея и не хотел общаться с этой теткой даже по телефону. Вера вернула мне трубку, я тут же избавился от нее, бросив на рычаг.

Началась рабочая суета – в офис зашел Сеня, получил накладные на первый рейс, и Петя укатил на погрузку. Мы сели за телефон и электронную почту. Звонки, переписка – все, как обычно. К обеду Вера сделала отчеты за сентябрь. Месяц по продажам не уступил августу. Летняя кампания закончилась, пора было готовиться к зимней. После обеда стали решать вопрос с первым завозом солей. Соли – товар тяжелый неудобный, стоил дешево, перевозка обходилась дорого. Везти мало – накладно. Везти много – опасно, можно было не продать все за сезон и остаться к следующему с просроченным товаром. Короткий срок годности солей в один год портил все. Но наши продажи еще прошлой зимой подошли к объему фуры. Я задумался и предложил Сергею завезти в октябре полную фуру солей.

- Ты думаешь, мы ее продадим? – неуверенно глянул тот на меня.

- Надо просчитать, Серый, - пожал плечами я. – Примерно посчитать по прошлому году – сколько у нас берут аптеки, сколько сети и остальные клиенты...

Работа закипела. Вера распечатала данные, Сергей засел за подсчеты. За пару часов обсуждений и прогнозов мы пришли к выводу, что все может получиться.

- Надо просто поступить... – подытожил я. – Мы загрузим фуру полностью самыми дешевыми солями, чтобы понизить транспортную нагрузку. А сверху накидаем пару тонн дорогих. Дешевые возьмем из расчета на весь сезон. Аж до весны. А дорогие примерно до Нового года. И будем их уже по мере надобности подвозить транспортной компанией под заказ, чтоб лишнего не держать на складе. И все.

Сергей выслушал, склонился над листком с расчетом заказа, пожевал губы, шумно выдохнул и произнес: «Ну да, нормально! Так и сделаем!»

На второй неделе месяца к нам неожиданно приехали из «Люксхима». Гостей было трое: владельцы Асланбек и Эдик, и сын первого. Нас не предупредили о визите, мы были удивлены ему, и вышло так, что шестеро человек сгрудились в нашей комнатке и начали обсуждать дела. Вера сидела на своем месте, Сергей в кресле за столом. В силу уважения и этикета, я уступил оставшееся единственное кресло у двери Асланбеку, его сын встал у стены подле отца. Я и Эдик подперли собой последнюю свободную стену у двери.

Первую половину переговоров я больше наблюдал. По старой привычке Асланбек начал общение с меня. В его глазах читалось удивление и даже замешательство по поводу нового компаньона. Асланбек явно присматривался к Сергею. Тот, спустя время обвыкся, вставил в наш диалог пару фраз и перетянул общение на себя. Я был не против – все, что говорилось, я слышал от этих людей уже не раз. После случая с «Родным краем», когда «Люксхим» отгрузил товар за нашими с отцом спинами, я списал все договоренности с

Асланбеком и Эдиком в утиль. Я понял, что цена их обещаниям и заверениям грош и что надо решать свои насущные задачи, не давая впредь этим персонажам никаких обещаний. Асланбек стал прощупывать наши с Сергеем настроения и планы. Он удивился, узнав, что за последний год, как фирма, мы резко выросли. Наши позиции стали сильнее, и это сразу проявилось в общении. Я занял жесткую позицию, помня все несправедливости, чинимые еще нам с отцом этими двумя. Разговор шел как под копирку прежних – гости долдонили одно: надо увеличивать объемы продаж, увеличивать число клиентов и все такое. Слушать подобное уже не было никакого желания. Я умолк, предоставив переливание из пустого в порожнего Сергею. Тому понравилось. Сергей буквально расцвел и даже будто физически раздался в размерах – распрямил и без того широкие плечи, откинулся в кресле, надул губы пуще прежнего и превратился в монолит важности и значимости. Даже выдавший виды Асланбек вдруг повел диалог с ним с нотками заискивания и прошения. От его слов Сергей цвел. Я впервые видел напарника таким – он восседал словно зачаток чиновника, единственным смыслом жизни которого было чередовать в своем лексиконе разрешения с отказами. «Да, ребята, это вам не со мной общаться или моим отцом», - мелькнуло у меня в голове, я ухмыльнулся и продолжил наблюдать за всеми. Эдик был все тем же, каким я его знал всегда – хитрый, изворотливый, беспринципный. Он всегда обещал и говорил то, что надо было в данный момент, лишь бы получить желаемое. Раньше мне казалось, что Асланбек его зеркальное отражение – порядочный и исполнительный хозяин своего слова. Я стал в этом сомневаться, подумав, что скорее эта парочка исполняет роль «хорошего и плохого полицейских». Апеллировать к одному о нечистоплотности другого было делом пустым, коим я наивно занимался прежние годы. Во мне стал копиться негатив. Я знал, что накручиваю себя сам, но ничего поделать с этим не мог – старые обиды лезли наружу и требовали сатисфакции.

- Давайте, предлагайте! – лукаво улыбался Эдик. – Мы же с Асланбеком только за! Мы за увеличение вашей прибыли! Пожалуйста, заказывайте товара сколько хотите! Мы вас всегда поддерживаем! Предлагайте решения! Нашли клиента нового, нам позвонили, сообщили! Ага, мы с Асланбеком знаем – всё, этому клиенту Рома поставляет товар, всё, мы туда уже сами не лезем!

- Да как же это вы не лезете!?? – не сдержался я. – Вы же в «Родной край» залезли! Мы... тогда еще с отцом работали... сказали вам, что надо туда попасть с вашим товаром, и мы ходили к директору целый год на приемы, сидели там в коридоре!! И когда он дал уже свое согласие, вы взяли и завезли товар напрямую!! Целую фуру завезли!!

Эдик, не был бы собой, если б стушевался – он хитро улыбнулся, посмотрел мне в глаза и без запинки выдал: «Рома! Надо было сразу нам говорить! Сразу нам звонить, если кто-то из наших агентов отгрузил товар вашему клиенту! Мы бы сразу все решили!»

- Эдик!!! – почти выкрикнул я тому в лицо, закипев вмиг. – Какие агенты!?!?? Че ты несешь!?!?? Ты же сам там лазил в этом «Родном крае»!! Я тебя видел там в приемной!! Ты приехал тогда к нам в первой половине дня, а во второй поехал туда! Зачем врать!?!??

Эдик смутился самую малость и лишь оттого, что его действия стали известны, а не от уличения во лжи. Стыд ему был неведом. Я смотрел на Эдика испепеляющим взглядом, он ухмыльнулся и отвернулся. Я тут же ощутил эмоциональный провал, вся энергия ушла на борьбу с ложью. А та лишь лукаво отвела взгляд. Говорить о порядочности Эдику было все равно, что рубить топором воду. Я замолк, для меня переговоры были закончены. Кто бы чтобы не сказал далее, я решил для себя твердо – меня это не интересует! «Надо гнуть

свою линию, тупо зарабатывать деньги на их товаре, пока возят бесплатно... не развивать специально ничего, не искать под их товар клиентов... как продается, так и продается... пусть хоть обосрут... я больше ради этих мудаков жопу рвать не собираюсь», - решил я, и стало легче. Успокоившись, я апатично уставился в окно. В комнатке наступила тишина, которую преодолел опытный Асланбек. Он повел диалог с Сергеем. Тот продолжал важно восседать на кресле-троне, ощущая себя именно генеральным директором. Моя пикировка с Эдиком произвела на Сергея определенное воздействие – он окончательно расслабился и скатился в выражениях с этикета делового общения на бытовой дворовый уровень.

- Сергей, я думаю, вам и вашему партнеру Роману стоит активнее продвигать наш товар в вашем регионе, - лепил штампованный текст Асланбек. – Вот, обратите внимание, Эдуард здесь уже говорил – мы активно расширяем ассортимент, запускаем новинки...

- Да не, ну эти сраные новинки нам погоду совершенно не делают! – откинулся в кресле Сергей, произнес фразу с убийственной надменностью и пренебрежением.

Во мне все сжалось. «Блин, Серый! Ты что говоришь!?» - выкрикнул мой мозг, но внешне я лишь поморщился. Напарник дал маху, он откровенно харкнул в хозяев фирмы-поставщика. На реакцию Эдика было насрать – беспринципных людей я сам не жаловал и не жалел. Но Асланбек... Я переметнул взгляд на него. Лицо Асланбека залилось краской, заметными усилиями он сдержал себя в руках и ответил спокойно:

- Сергей, я думаю, не стоит так говорить про продукцию! Это труд людей. Хорошая она или плохая, решает покупатель. Мы стараемся выпускать конкурентную продукцию...

- Не, ну а че! – перебил того Сергей, покручиваясь в кресле. – Это так и есть! У нас есть несколько крупных дистрибьюций, которые мы тащим! Ваш товар у нас не на первом месте! Да, продаем его по старой памяти. Мы, когда объединялись с Ромой и Анатолием Васильевичем влили ваш товар в общий прайс, но он нам погоду не делает, так что...

Сергей жестко и цинично утирал носы гостям. Я смотрел в пол, понимая опасность его поведения. Могли быть последствия. «Этот унижение не проглотит. Виду Асланбек не подаст, но ответ будет, - думал я, поглядывая исподлобья на всех, - что-то будет...»

Общение после демарша Сергея довольно быстро затухло. Гости распрощались и с тяжелыми выражениями лиц покинули офис. Мы остались втроем. Я сел в кресло у двери.

- Серый, ты просто пиздец! – прыснул я в кулак, сказалось напряжение. – Блять, так разговаривать с Асланбеком! Это пиздец! Сраные новинки... Блять, ты видел его лицо!? Да он чуть не ахуел на месте! Я думал, у него глаза вывалятся и покатаются по полу...

- Га-га-га! – закинул тот голову назад, смакуя взглядом мой эмоциональный спич. – Не, ну а че, Ромыч!? Че не так что ли!? Этот «Люксихим» нам дает меньше трети прибыли, он нам асоба роли не играет! Наценка там на все обычная, только на эти, га-га-га... сраные новинки... мы нацениваем нормально, больше сорока процентов!

- Ну вот! – я вновь прыснул. – Пиздец, Серый, ты просто взял и насрал на них!

- Не, ну а че они себя так ведут, как будто мы им че-то должны!? – смотря на меня и еле сдерживаясь от смеха, сказал Сергей. – А так, забили им штырь, пусть вытаскивают!

Мы засмеялись разом. Трагедия по всем канонам перешла в комедию. Уже ничего нельзя было изменить. Я чувствовал, что такой демарш не сойдет нам с рук. И понял, что Сергей в очередной раз нагадил нашей фирме и уже не мелко. И это я не собирался за ним исправлять и даже простил, а все по одной причине – Сергей своим быдличим поведением разом отомстил за все, что я и отец бесправно терпели ранее. Я утолил голод сатисфакции.

Под конец той же недели у нас скопились на руках деньги.

- Роман, ну че будем делать с наличкой!? – глянул на меня Сергей, сидя за столом с раскрытым портфелем и пачками денег на руках. – Долгов у нас нет, платить некому...

- Серый, да и нечего с ней делать, получается, - пожал я плечами.

- Ну че, будем тупо класть деньги на счет? – поморщился Сергей.

- Да а че еще делать? Можем на счет, можем так складывать... Вариантов немного...

- Ну да! Сумма какая-то ни то, ни се! У нас по тридцатке в общаке, и я получил еще шестят... эт сто двадцать...

Сергей смотрел на меня выжидающе, а я на него апатично.

- Ну че, мож тупо возьмем себе? Премию по итогам лета? Ты в квартиру отнесешь, а я как раз начну ремонт в ванне и туалете... – сказал Сергей. – Тебе сколько там осталось?

- Одиннадцать метров, чуть меньше...

- Ну вот, тебе тоже деньги нужны! – добавил Сергей, замерев руками над деньгами на столе как коршун над добычей.

Уговаривать меня не пришлось. Я взял свою долю, сунул деньги в карманы куртки, а после выходных, 16 октября в понедельник вечером в ежедневник добавилась запись – «16.10.06 62.084 3.89м² 53.89м²». «Семь метров осталось», - замер я над ежедневником, в котором были отмечены большие и маленькие шаги к обретению жилищной свободы.

- Роман, слушай, у нас же в декабре смена генерального директора, да? – глянул на меня Сергей после обеда, едва мы вернулись на машине втроем из столовой.

- Ну да, точно не помню, но вроде да... – развел руками я, сидя в кресле у двери.

- Вер, когда у нас смена директора? – встрепенулся Сергей, приподнялся на локтях над столом и уставился на жену поверх монитора.

- Сереж, можно посмотреть в учредительских документах, я не помню, - сказала та.

- В декабре, в декабре! – затряс указательным пальцем правой руки Сергей. – Я точно помню, мы фирму в декабре 2003 открывали, как раз три года до следующей смены!

Сергей откинулся на спинку кресла, прикусил нижнюю губу, скрестил на груди руки, повернул кресло в мою сторону и уставился на меня.

- А че ты вспомнил-то? – поинтересовался я.

- Да я просто подумал, это же с бумажками возиться, переоформлением заниматься в банке... – скривился он уголками глаз. – Может, не будем, а, Ромыч? Оставим как есть?

Я молчал, обдумывая затронутую тему.

- Разницы-то, ведь, нет никакой... Решения мы принимаем вместе... А кто гендир, а кто замгендир... это у нас же формально. В банке подписи все равно же обоим нужны...

Сергей развел руками, изображая непонимание смысла в близящейся процедуре по обмену должностями в фирме. По сути, он был прав – наша рокировка ничего не меняла. Чтобы совершить любой юридически значимый шаг, требовались оба учредителя, один не мог ничего. То же самое с финансами на счете в банке – для любой операции требовались подписи обоих. И по-человечески Сергей был прав – предстоящий обмен местами ничего не решал, лишь отнимал время на бюрократическую возню. Да, была договоренность об обязательной рокировке раз в три года. Но ею по согласию можно было пренебречь.

- Да давай. Можем и не меняться, Серый. Мне как-то все равно. Я не тщеславный, - хохотнул я, - мне от вывески «генеральный директор» не холодно и не жарко! Оставайся...

- А, ну, тогда и нормально! – ожил Сергей, откинулся на спинку кресла с радостной улыбкой и добавил. – Ты у нас как серый кардинал, Ромыч! Занимаешь не главную должность, но имеешь в фирме решающее слово!

Сергей гоготнул. Я ухмыльнулся комплименту, осознав, что напарник польстил мне намеренно. Вышло топорно. Зачем? Внутри меня ни одна струна души не отозвалась на сказанное – лесть на меня не действовала, тщеславие действительно мне было чуждо. Я даже удивился, казалось, что Сергей достаточно изучил меня, чтобы не тратиться на лесть попусту. Я снова ухмыльнулся, наблюдая, как мгновенно взмыло ввысь его настроение. И понял, что значиться генеральным директором, пусть мизерной фирмы, пусть формально, для Сергея было важным и значимым. Я был не против.

Отношения с Наташей не ладились все больше. Едва наши взгляды встречались, та поспешно отводила глаза в сторону. Не спрашивая напрямую и не желая догадываться, я списал такое поведение Наташи на осеннюю хандру, которая захватила и меня. Я смотрел на увядающую природу и прислушивался к внутреннему состоянию. Во мне словно тоже что-то увядало, а шевеление нового в зародыше едва ощущалось. Я силился понять такие перемены, но не мог. Лишь ночами, когда я засыпал, в голове все чаще всплывали образы, вспыхнувшие разом той ночью. Они нарушали мое равновесие и толкали к действиям. К каким? Я не знал. Пребывая в таком задумчивом состоянии, я машинально согласился на уговоры Сергея поехать с его семьей в субботу на природу в загородный парк. Ехать я не желал, но пребывал в такой хандре, что хотелось избавиться от нее хоть на время. Сергей подобрал меня в условленном месте на «мазде». В машине сидели все – Вера спереди, оба ребенка сзади. Я подсел к детям. Лёня, завернутый в зеленый комбинезон, молча тарачил на меня свои глазенки. Лилька, получив неожиданно зрителя, сразу принялась кривляться и вести себя нарочито громко.

- Лиля, ну-ка сядь!! – рывкнул Сергей, зыркнув на дочь в зеркало. Девочка залилась краской, притихла, пришла в себя через мгновение, хихикнула, глянула на меня украдкой, встретилась взглядом с моей улыбкой, вновь хихикнула и давай по-новой.

- Лиляяя!! – угрожающим тоном произнесла Вера.

Мы приехали. Лиля выскочила из машины сама, Лёню вынула Вера и поставила на землю. Мальчик стоял неподвижно, безразлично водя глазами по сторонам. Достав следом пакет с едой, Вера за руку повела Лёню в парк. Лиля, кривляясь и приплясывая, побежала вперед. Сергей степенно, как глава семейства, шагал позади в паре шагов. Я поднял ворот джинсовой куртки, поправил бейсболку и, сунув руки в карманы джинсов, пошел следом. Хандра не уходила. Следующие два часа прошли в раздумьях. Мысли бесформенной массой плавали в голове, то отпуская меня к реальности, то вновь затягивая в себя. Дети веселились – Лилька бегала, визжала и прыгала как заведенная, Лёня же, пытаясь угнаться за сестрой, не поспевал за ней в своем комбинезоне, топал ножками неуклюже. Я, Сергей и Вера о чем-то разговаривали. Мои фразы были машинальны, я утопал в своих мыслях.

- А хорошо, что мы вот так можем взять и выехать вместе куда-нибудь, да, Ромыч? – сказал Сергей. – Вот поженитесь с Натахой, наделаете своих таких спиногрызов, будет еще больше народу!

- Дааа! – засмеялась Вера. – Тогда еды надо будет с собой брать не один пакет!

Я кивнул и ухмыльнулся, зарывшись подбородком в ворот куртки и глубже в свои мысли. «Поженитесь с Натахой... может быть-может быть... все непонятно с этой Натахой.

И любви, главное нет, ни у нее ко мне, ни у меня к ней. Не случилось... Просто нравимся друг другу и все... Надо быть с собою честным... Нет ведь любви... Жениться просто на красивой девушке, лишь бы было? Смысл? Наделаем детей и все равно разведемся потом. Глупо... Ладно, пусть все идет, как идет. Отношения, конечно, у нас так себе. Да и ладно... Срастемся – значит, срастемся, а нет – так и нет...»

- Мам, а ты взяла сосиски!?! – подскочила к лавке Лилька и сунула нос в пакет.

- Взяла, взяла! Лиль, закрой пакет! Не лазь там! – обрезала строго Вера.

Девочка обиженно отошла на пару метров. Лёня, услышав слово «сосиски» ожил и засеменил к лавке, на ходу подняв руку в направлении пакета.

- Лёнь, что... будешь кушать? – произнесла Вера.

- Есть он хочет, покорми его, - выдал команду Сергей.

Вера засуетилась – вынула из пакета пластиковый контейнер, открыла его. Вареные сосиски и черный хлеб лежали внутри. Лилька подскочила и протянула руку к еде.

- Так, Лиля, ну-ка перестань прыгать! Если хочешь есть, сядь нормально и ешь! – рявкнула на дочь Вера.

Девочка отдернула руку, растерялась, огляделась в поиске поддержки, встретила взглядом со мной, виновато улыбнулась, потупила взгляд, завела руки за спину и замерла в нерешительности. Лёня подошел в лавке, взял сосиску и неловко потянул ее в рот.

- Вер, посади его на лавку! – добавил Сергей.

Та тут же исполнила команду и выдала в свободную руку Лени кусок хлеба. Стоя с другой стороны контейнера, Лиля колупала пальцами отставшую от лавки краску.

- Лиля, не ковыряйся, руки вымажешь! – скомандовала Вера. – Бери сосиску и ешь!

Девочка радостно схватила сосиску, вмиг повеселела, улыбнулась мне, отбежала на несколько шагов в сторону и принялась пританцовывать на бетонных плитках дорожки.

Время шло медленно, я продолжал барахтаться в вязком болоте мыслей. Слопав первую, Лёня сразу принялся за вторую. Лиля все прыгала с сосиской в руке. Надув щеки и посапывая, Лёня потянулся за третьей. Его сестра разделалась с первой наполовину. Не обращая внимания на хлеб, Лёня потянул себе из контейнера четвертую. Лиля подскочила к лавке и цапнула из контейнера свободной рукой кусок хлеба. Лёня слопал пятую. Лиля прыгала, скакала – как могла, производила на окружающих и меня особенно впечатление. Лёня взял шестую сосиску. В контейнере осталась одна. Лилька почти доела первую. Лёня заканчивал шестую, когда та подскочила к лавке за последней и потянула ее к себе. Лёня, сунув в рот остатки, торопливо вцепился рукой в последнюю сосиску со своей стороны. Лиля опешила, тут же опомнилась и сильнее потянула на себя сосиску. Разница в возрасте сказалась, Лёня почти выпустил свой край сосиски, тут же скуксился и заголосил.

- Лиля!!! – рявкнул Сергей.

Девочка отдернула руку, отступила на пару шагов, глянула вопросительно на меня. Я наблюдал за сценкой, продолжая поеживаться от прохладного осеннего ветерка. Начало темнеть, серые облака налились цветами сумерек. Лёня воспользовался замешательством сестры, схватил сосиску и потянул в рот.

- Лиля! Пусть Лёня ест! – фальцетом взвизгнула Вера.

Девочка виновато зажалась и затихла, ее глаза смотрели на меня с непониманием. Мне стало жаль эту девочку. Зачатки характера Лили не сулили ей легкой жизни. Вдруг дико захотелось уйти. «Что я здесь делаю? – ясно прозвучало в моей голове. – Чужие дети, чужая семья, чужие радости. Зачем тут я? Участвую в их жизни? Зачем? А где моя жизнь?»

Почему я не живу своей жизнью? Я сейчас стою здесь, а мне ведь не хочется здесь быть... Так зачем я поехал? Неудобно отказать? Блять, как заебала эта дебильная черта характера! Веду себя, как размазня! Почему неудобно отказать? Просто бери и отказывай! И все равно, что подумают! Ты не обязан потакать желаниям других людей!»

Я встрепенулся. Оглянулся. Я стоял в определенном месте в определенное время, и я не хотел там находиться. Стало страшно. Меня словно насильно сунули в чужую жизнь. И это насилие произошло с моего согласия. Я не был слабохарактерным, я это знал точно, но проклятая учтивость разрушала мою собственную жизнь на корню.

«Это не моя жизнь! Я здесь не должен стоять! Я проживаю чужую жизнь, а должен жить своей. Сергей живет своей и тянет меня в свою жизнь. Я же, соглашаясь, раз за разом принимая его приглашения, убиваю свою жизнь. Каждый момент согласия есть отказ себе в своей жизни. Я убиваю себя!» Снова накатил страх. Я едва не ушел пешком домой.

- Ну что, будем собираться? – посмотрел на меня Сергей, едва Лёня закончил есть.

Я кивнул и облегченно вздохнул, приняв твердое решение, никогда больше не идти на поводу ни у кого. Вообще ни у кого.

В последний день октября мы с Сергеем в очередной раз ехали в машине по делам.

- Роман, че, Анатолий Васильевич, все занимается помидорами? – произнес он.

- Да не, Серый, ну какие помидоры? Уже ноябрь на дворе, - сказал я.

- Не, ну я не знаю, че он там теперь возит! Он же возит че-то, да?

- Не, щас он ничего не возит, - буркнул я, не желая распространяться по теме.

- А чем же он занимается?

- Серый, да я особо не спрашиваю у него, - выдохнул я, чувствуя, как внутри растет недовольство настырностью Сергея в расспросах. – Чем-то занимается... Вроде как сейчас занялся извозом, есть у него какие-то постоянные клиенты, возит им товар...

- На межгород?

- Не, тут... по области и по городу...

- Ну а че Анатолий Васильевич свой бизнес не организует?

- Серый, да я не знаю, ну спроси у него! – произнес я уже чуть раздраженно. – Чтоб бизнес начать, нужны деньги! А деньги мы же все в квартиру вложили!

- То есть у Анатолия Васильевича вообще что ли нет щас денег?

- Не, ну есть какие-то... Я без понятия... Мы как-то на эту тему не общались с ним. Захочет – организует бизнес, не захочет – нет. Я ж не знаю, что у него в голове, Серый! – сказал я, раздражаясь через расспросы напарника уже на отца, за то, что мне приходится терпеть неудобные вопросы, выкручиваться и что-то отвечать.

- Ну, в общем, ты не знаешь, чем он там занимается! – хлопнул Сергей ладонью по рулю сверху, словно подытоживая диалог и делая вывод.

- Неа, совсем не интересуюсь... – отвернулся я к окну.

- Ну понятно... – выдохнул Сергей.

Настроение вдруг стало гадким. За несколько минут диалога я нервно взвинтился и ехал уже молча в таком состоянии. Я попытался понять причину раздражения. Расспросы Сергея? Определенно, неприятно и очень настырно. Да так неприятно, что мне в какой-то момент даже захотелось его грубо оборвать. Найдя очевидную причину, я наткнулся и на другую, менее заметную, но более весомую – бездействие отца. И понял, главная - она. Потому расспросы Сергея и ощущались неприятно, что били они в цель, заставляя меня

выгораживать неактивность отца и всячески того защищать. Мне самому было неприятно осознавать реальное положение вещей – отец даже не собирался заняться самостоятельно чем-то серьезным. Он пошел по пути людей, не обремененных интеллектом, таких, как его знакомый Василий, который был способен лишь на примитивное «купи-продай». Я же, ощущая в отце интеллект и аналитический ум, ждал от него большего. Ждал, что отец возьмется за серьезную задачу. Ждал этого шага с момента, как он оставил фирму. Я ждал месяц, два... полгода. Не выдержал, понял, что ничего не произойдет и отнес все деньги в квартиру. Не прогадал и почти удвоил наши с отцом накопления. Но все равно продолжал ждать от отца чего-то «эдакого». Я верил в его потенциал, о котором отец заявлял часто и всячески демонстрировал окружающим. Я верил, ждал... и ничего не происходило. Сергей лез с расспросами, словно учуяв, как они мне неприятны и все сильнее ковырял это место моего сознания. Я же защищал отцовскую несостоятельность. Это определение замаячило в глубине моего сознания, но я отогнал его, как раз в тот момент, когда отвернулся к окну.

Через пару минут Сергей начал расспросы о квартире: сколько осталось выплатить, когда сдается, да какой ремонт буду делать – дорогой или не очень? Он, например, делал у себя все дорого – говорил Сергей и рекомендовал мне тоже не жалеть денег и делать все хорошо. Я машинально кивал, поддерживая диалог односложными фразами. Настроение лишь ухудшалось, меня стала раздражать беспардонность Сергея. Казалось, раньше он так себя не вел. «Или нет? Может, я просто не замечал? Или осень на меня так влияет.» Заныл желудок. Сергей включил заезженную пластинку про «пентхаус» – какой он молодец, что купил квартиру на самом верхнем этаже, какой оттуда открывается шикарный вид и даже чердак теперь его, он по-хозяйски повесил там замок и даже старую ванну затащил туда, пусть будет, в хозяйстве пригодится. И все так у него было ловко, что, не удержавшись, я выдал правду как есть, лишь бы заткнуть этот поток хвастовства.

- Серый, че ты заладил – пентхаус-пентхаус!?! – повернулся я резко к напарнику и зло уставился в глаза. – Ну все же знают, что крайние квартиры – продаются всем подряд, всяким лохам! Спроси у любого риэлтора, зайти в любое агентство, там тебе скажут тоже самое – первый и второй этаж и верхние два – самые отстой! Их продают строители всем подряд через агентства, потому что эти квартиры тяжело продать! Они нахуй никому не нужны! Потому что крайние этажи... Все лучшие квартиры строительные компании сами продают, а все говно отдают риэлторам, а те уже впаривают их тем, у кого денег впритык! Вот ты сам говорил, что купил квартиру, потому что время поджимало, и денег была определенная сумма, так!?

Я проткнул Сергея жестким взглядом.

- Ну так... – буркнул тот.

- И квартира твоя была по цене дешевле остальных в этом доме!?

- Ну да... – выдавил их себя Сергей.

- Вот и все! – развел руками я. – Вот и весь пентхаус... Это просто квартира на последнем этаже дома под крышей... Мне же предлагали то же самое! Мне эта тетка сразу начала предлагать – есть квартира на девятом этаже, на десятом... Я ей сказал – меня такое не устраивает! И она тут же предложила мне третий, четвертый этаж! Вот и весь расклад...

Сергей молчал.

Я эмоционально опустел, но сразу стало легче. Отвернувшись к окну, я принялся нервно разглядывать летящий мимо пейзаж. Я понимал, что сказал обидное, и Сергею оно не понравилось. Но слушать самохвalebное вранье уже не было сил, кончилось даже мое

огромное терпение. Я ударил правдой наотмашь и считал, что поступил правильно.

Фура с солями из Питера пришла в первых числах ноября. Выгружали товар восемь человек – четыре наемных грузчика, Сеня с сыном, я и Сергей. Коробки носили на руках, заранее выложив в правой части склада сплошное поле из поддонов – на них и разгрузили фуру. Грузчики носили товар, а Сеня с сыном укладывали его в штабели. Начали в десять, когда ночная прохлада бодрила, заставляла всех ежиться и прогоняла остатки сна. Внутри склада было комфортно – тепло лета еще не выветрилось из кирпича стен и досок крыши. Склад отдавал внутрь его остатки, из-за чего совершенно не хотелось выходить наружу. Я и Сергей, одетые в рабочие куртки, стояли подле горы коробок, помогали Сене с укладкой товара и пребывали в радостном возбуждении, ощущая, что делаем что-то значительное.

Иногда я отстранялся от рабочей суеты, смотрел на наш бизнес извне и осознавал, что творим мы с Сергеем нечто лихое, проворачивая дела азартно и дерзко. Перед моими глазами стояли образы менеджеров и прочих управленцев других компаний – они были нам не ровня. Те ходили на работу, выполняли свои обязанности, лишь изредка отступая от накатанной колеи и то по воле нежеланного случая. Эти фирмы можно было сравнить со средними или большими армиями с обременительными обозами, которые только и могли перемещаться и существовать лишь на хорошо накатанных путях, двигаясь по ним основательно, но медленно и инертно. Наша же фирма походила на крохотный отряд, который мог получить преимущество лишь срезая дороги по нехоженным местам, лесам и болотам, выскакивая неожиданно то тут, то там и, пользуясь оцепенением превосходящих сил конкурентов, оттяпывать себе трофеи. Мне нравился наш авантюризм, он будоражил кровь, поддерживая в ней высокий уровень адреналина. Мы вошли в раж. Я чувствовал ту самую каплю крови денег. Мы шли к ней стремительно, и капля в моих глазах росла и уже маячила увесистым мешком денег на расстоянии лишь нескольких лихих налетов.

Пока выгружался товар, расторопная Вера оприходовала его, выставила продажные цены, сформировала наценку и прибыль и позвонила нам на склад.

- Серый, это же пиздец! – отреагировал я ошалело на звонок. – Средний процент – шестьдесят три! Если другие узнают, что мы им впариваем товар через такой процент, нас побьют как Остапа с Кисой! Там накладная на сколько, на восемьсот, да?

- Восемьсот пятьдесят, - произнес тот, внимая моим эмоциям горящими глазами.

- Блять, если мы всю эту кучу продадим, то только на солях заработаем поллимона! Сергей ставил коробки в штабель и внимательно слушал.

- А еще и парфюмерия через месяц пойдет! – добавил я возбужденно. – Круто!

Мы протрудились до пяти вечера. Устали все. Пик усталости пришелся на три часа дня и последний пятнадцатиминутный отдых. После работа возобновилась, а вместе с ней пришло чувство отупения – движения стали механическими. Последнюю коробку ставили на крайний штабель уже под молчаливое безразличие восьмерых усталых человек. Так же молча, лишь изредка роняя необходимые фразы, все разом собрали мусор и навели общий порядок. Сергей рассчитался с грузчиками, те ушли. Окончательно усталость придавила в машине, едва я коснулся спиной сидения в «мазде». Хотелось доехать домой, забраться в горячую ванну и пролежать там без движения час. Я так и сделал.

На следующий день я едва встал с кровати – болело все. Хорошо, что впереди были выходные. Отдохнув за эти дни, в понедельник я явился на работу бодрым. Сергей и Вера

уже были на месте. Вера занималась почтой и банком. Сергей, хрустя ножницами, вырезал под корень из своего старого черного ежедневника листы.

- А нафиг ты это делаешь!?! – удивился я, включил чайник, расстегнул куртку, но не снял ее и плюхнулся так в кресло у двери – первые ноябрьские заморозки нагнали мне под куртку прохладного воздуха, от которого хотелось поскорей избавиться и согреться.

- Роман, ну а зачем они нужны!?! – оторвался от своего занятия Сергей, указав мне на часть уже срезанных листов. – Тут еще старые мои записи с «Саши». Они тебе нужны?

- Да нет, - пожал плечами я, с интересом впервые наблюдая за таким делом.

- Ну и мне не нужны! – сказал Сергей и принялся «стричь» новый пучок листов.

Через пару минут все было кончено – похудевший на треть ежедневник лег на стол.

- На, будешь рвать? – улыбнулся Сергей.

- Давай! – хмыкнул я и взял из рук напарника отрезанные листы, подкатил в кресле к мусорной корзине и принялся не спеша рвать листы и кидать в нее.

- Все-таки отдыхают руки от этого, да!?! – раздался за спиной голос Сергея.

- Да, интересные ощущения... – кивнул я. – Пальцы расслабляются. А то после этих коробок с солями, они аж не гнутся. Все руки забиты и в локтях крутит! – я обернулся. – Вер, а ты накладные на аптеки пробивала или нет?

- Да я еще в пятницу их пробила! – сказала Вера. – Вон они лежат, Ром, на факсе!

Я закончил с листами и подкатил к столу. Сергей взял накладные, пролистал их.

- Сереж и заодно подпиши их! – вспомнив, добавила Вера.

Напарник взял ручку, навалившись вправо разлегся в кресле поудобнее, уперся в стол локтем, склонил голову, наоборот, влево и принялся ставить подпись на накладных. Авторучка двигалась плавно и размашисто. Подпись начиналась снизу вверх с длинного диагонального штриха, снова вниз, вверх, оттуда вниз вправо два полукруглых вензеля, переходящих снизу в горизонтальную продолговатую завитушку. И оканчивалась подпись схожим диагональным штрихом, выстреливая снизу вверх резким широким размашистым движением, оставлявшим после себя пафосную загогулину, будто выскочившую пружину из упругого механизма подписи. Я поймал себя на мысли, что наблюдаю за упражнениями Сергея в каллиграфии. Сомнений не было – тот именно упражнялся, оттачивал подпись. Я перевел взгляд на лицо напарника – оно было сосредоточенно на процессе и сияло.

- Все, Верóк, подписал! – сказал Сергей, откинул небрежно ручку в сторону, сгреб накладные, постучал их торцами об стол, подравнял и схожей небрежностью руки, вернул их на металлическую скобу факса, откинулся в кресле, выдохнул и посмотрел на меня. – На двести двадцать тысяч накладные набили!

- Нормально так... – сказал я, прикинул в уме перспективы. – И это в самом начале сезона... Пять месяцев... И не по одному заказу в месяц они будут делать, да?

- Ну, раз в три недели обычно заказ делают! – пояснила Вера.

- Это три-четыре сотни в месяц, - перевел я взгляд на Сергея. – Вся машина уйдет...

- Так мы дорогих солей взяли на месяц. Дозаказывать пару раз точно придется... – произнесла Вера, заговорщицки улыбнулась и добавила. – И там наценка...

- А сколько там!?! – улыбнулся я, предвкушая.

Вера запорхала пальцами по клавиатуре и, покраснев, выдала:

- Ну... на дешевых – пятьдесят восемь... А на дорогих – сто тридцать четыре...

- Серый! – посмотрел я на напарника, расплылся в улыбке и покачал головой. – Я тебе официально заявляю – мы жулики! – не удержавшись, засмеялся и, подавшись вперед

к напарнику, зачем-то понизил голос и продолжил. – Прикинь, шас кому скажи, что мы рубим на солях такие проценты, все просто ахуют! Все остальные, как дураки, гоняют товар через стандартные двадцать процентов... Ну, какой-нибудь не очень ходовой могут и через тридцать... И все! А у нас и товар нормальный и наценки дикие... Пиздец, Серый! Главное, чтоб никто не узнал... хотя бы еще пару лет... Мы денег хоть успеем нарубить...

- А почему ты думаешь, что пару лет? – удивленно насторожился Сергей.

Помня предыдущий разговор на эту тему, я лишь повторился в своих мыслях:

- Долго такое длиться не может... Это не нормальное состояние рынка, откровенная халява, и нам надо ей пользоваться, пока она есть... Блять, ну сто процентов наценки! Ты прикинь! Вот вы в «Саше» через сколько эти соли продавали?

- Ну... – Сергей выдержал паузу, словно не желая говорить правду, а пришлось. – Тридцать пять у нас было до витрины и скидка на опт – пятнадцать процентов...

- Стандартные двадцать процентов! – развел я руками. – И так все торгуют... А на ходовом товаре и того меньше имеют – процентов десять-двенадцать. И все думают, что мы гоняем товар через схожий процент. Стадное мышление. Хорошо, что мы сообразили выставить цены по рынку... а ты еще тогда упирался, видишь – сработало!

- Да когда это я упирался!? – возмутился Сергей.

- Ну я помню, ты говорил, когда мы как раз расценивали дихлофосы, а потом соли. Ты тогда тряся, типа, куда такие наценки и зачем?

- Я не тряся! – дернулся тут же Сергей. – Давай, без этих вот ваших с Анатолием Васильевичем словечек! А то вы любите...

- Серый, ну, хорошо – не тряся, - примирительно сказал я. – А как это называется? Я помню, ты сильно сомневался, мне пришлось тебя, чуть ли не уговаривать.

- Когда это ты меня уговаривал!? – возмутился Сергей и уставился на меня гневно. – Мы сели, прикинули цены, я сразу сказал – давай торговать так! И не надо придумывать, что кто-то меня там уговаривал!

Мне вдруг расхотелось спорить. Я помнил отлично тот неуверенный взгляд Сергея, его испуганную речь. Стало противно от всей этой напускной смелости напарника, всем видом своим отрицавшим момент собственной неуверенности в прошлом. Я прокрутил в памяти снова тот эпизод. Внутренне ухмыльнулся. И понял, что такая черта есть и у отца. Он и Сергей были в ней схожи – нежелание признавать свои ошибки, неуверенности или слабости. Возможно, оба думали, будто признав за собой такое, они станут слабее, менее значительными? Такая глупость. Я снова ухмыльнулся и, пожав плечами, ответил Сергею миролюбиво: «Может, и так... Не буду спорить...»